

Я-СУБЪЕКТ В УСЛОВИЯХ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

I-SUBJECT IN THE CONTEXT OF LEGAL DISCOURSE

O. Krapivkina

Annotation

The use of the personal pronoun I and its paradigmatic forms in the context of legal discourse is in the focus of the article. The meaning of the pronoun I from foreign and Russian researchers' points of view is investigated as well.

Keywords: Subject, utterance, pronoun, deixis.

Крапивкина Ольга Александровна
К.филол. н., доцент кафедры
иностранных языков,
Иркутский государственный
технический университет

Аннотация

В статье рассматривается употребление личного местоимения я и его вариативных формах в условиях юридического дискурса. Исследуется семантика данного местоимения с позиций зарубежных и отечественных лингвистов.

Ключевые слова:

Субъект, высказывание, местоимение, дейксис.

Ведущим признаком субъекта как категории дискурса является его "присвоение" посредством саморепрезентации. Язык предоставляет большое количество вариантов для репрезентации самых разнообразных оттенков видения субъектом своего места в создаваемом им дискурсивном мире.

Каждый дискурс несет в себе определенные антропологические следы, следы присутствия своего индивидуального, творческого, неповторимого "я", которое является конститутивным свойством человека, или, по М. Фуко, "знаки, отсылающие к автору" [14; 27].

Степень проявления антропологических следов в юридическом дискурсе обусловлена степенью его персонализированности, которая детерминирована типологическими характеристиками субъекта: либо это субъект-индивидуум, свободный в своем волеизъявлении и отсылающий к себе с помощью местоимения я, либо институциональный субъект, зависимый от Другого – дискурсивного экспертного сообщества (ДЭС) – и скрывающий свое "я" за безличными формулировками. В фокусе внимания настоящего исследования находится субъект первого типа и особенности его репрезентации в условиях юридического дискурса.

Местоимение я еще в работах В. фон Гумбольдта связывалось с осознанием личности говорящего. Личные местоимения традиционно определяются в лингвистике как эгоцентрические слова, относящиеся к прагматической парадигме языка (Э. Бенвенист, А.В. Кравченко, М.Я. Блох, К. Бюлер др.). Из них только местоимение я – центр эгоцентрической системы, ее точка отсчета – эксплицируют, по словам Л.М. Ковалевой, "прототипического

субъекта – субъекта в 1–м лице единственного числа" [6; 68], субъекта речи, соотносящего все со своей точкой зрения в момент "присваивания" себе языка [12; 55], являющегося, по Э. Бенвенисту, опорной точкой для проявления субъективности в языке [2]. Я употребляется для обозначения самого себя, своей сущности, себя как личности [4; 1530]. Субъекты в остальных формах лица и числа допускают, как отмечает О.Л. Бодягина, "деперсонализацию высказывания" [3; 13–15].

Содержание семантики местоимения я вызывает определенные разногласия среди лингвистов. Так, способность местоимения указывать на субъекта высказывания дает некоторым исследователям повод рассматривать его как средство индивидуализации (Е.М. Вольф, В. Фляйшер и др.). Как отмечает Е.М. Вольф, личные местоимения являются индивидуализирующими обозначениями наряду с именами собственными. Правда, служить средством индивидуализации, поясняет Е.М. Вольф со ссылкой на Р. Якобсона, они могут только "опираясь на дополнительную информацию, полученную из текста или коммуникативной ситуации" [5; 24].

Индивидуализирующая роль местоимения я вызывает обоснованные возражения у О.Н. Селиверстовой, которая полагает, вслед за Э. Бенвенистом, что местоимение я, в отличие от имени собственного, не становится постоянным обозначением того или иного лица. На этом основании О.Н. Селиверстова делает вывод, что оно не может выполнять индивидуализирующую функцию. Оно носит "отсылочный характер": отсылает к автору речи как к тому, кто идентичен индивидуализированно представленному участнику события [10; 26–36]. Аналогичный подход мы находим и в работе

Т.Н. Семеновой, которая пишет, что "личные местоимения осуществляют в тексте конситуативно связанное назывное указание, функционируя как прагматические переменные, отражающие релятивные признаки обозначаемых объектов (указывающие на отношения своих референтов к говорящему) в рамках протекающего акта речи" [11; 20].

"Знак я, – пишет Э. Бенвенист, – не принадлежит языку, и каждый раз создается в актах речи" [2; 286]. "Такое я, – отмечает П.А. Флоренский, – есть чистая субъективность, подлежащее, ничуть себя не раскрывшее и невысказавшее, а потому никак не соотношенное с действительностью и, следовательно, начисто лишённое объективности и воплощения <...>. Оно индивидуализирует субъекта высказывания, вступая в связь с именем собственным, непременно через имена, без имен же означающее все что угодно, а потому – ничего определенного" [13; 82–83].

Вслед за О.Н. Селиверстовой отметим, что своеобразие местоимений я, I заключается в том, что они всегда показывают, что "актант ситуации представлен как личность, индивидуальность и эта личность тождественна самому говорящему" [10; 29–32]:

[1] I give and bequest all of my interest in the following property ... to the persons or entities as follows [19].

[2] Все мое имущество я завещаю Литвиновой Надежде Викторовне.

Местоимения я, I в приведенных примерах точно отсылают к субъекту волеизъявления, характеризуя его как уникального индивида. В юридическом дискурсе в их значении может содержаться и дополнительная информация. Так, в завещаниях я, I не только представляет индивида в его единственности, но и позволяет заключить, что субъект высказывания является дееспособным лицом, достигшим 18 лет, которое может вполне сознательно относиться к существу его завещательных распоряжений.

Таким образом, отсутствие у я устойчивой денотативной соотношенности "не позволяет, тем не менее, рассматривать его как "пустую" метку, употребляющуюся вместо имени, оно "обозначает отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит" [9; 163]. Его местоименное значение определяется через понятия указательности и характеристики лица – референта. Оно отражает онтологическую сущность самого субъекта речи [1; 58–60], характеризует его как уникального индивида, представляет в языке человеческое существо в процессе осмысления мира и самого себя в этом мире [2; 285 – 300].

Помимо представления субъекта в его единственности, местоимения я, I субъективируют высказываний, придавая изложению личностный и не претендующий на аб-

солютную истину характер. Как заметил П.А. Флоренский, "когда в разговоре мы говорим Я, ты, он и прочее, это делается или потому, что ономотологическое предсказание уже сделано и подразумеваемо содержится в этих местоимениях – вместоимениях, или же в смысле обратного ухождения из объективности в сокровенную субъективность, и тогда становится психологизмом" [13; 85]. Если первое употребление местоимений, следуя точке зрения П.А. Флоренского, заключается в замещении имен – функции, отмеченной Г. Суитом, Л. Блумфильдом и др. [Sweet, 1930; Блумфильд, 1968 и др.], второе – наполняет высказывание субъективным смыслом. Проиллюстрировать эту особенность могут следующие высказывания:

The path it has taken to reach its outcome will, I fear, do damage to this institution [18].

Я убежден, что полномочия Президента не могут произвольно выводиться из его статуса [16].

С помощью местоимений я, I, сопровождаемых модусными предикатами опасения и уверенности, индивид сигнализирует, что сказанное является личным, имеет для него статус субъективной истины. Я–высказывания "лучше всего отвечают потребностям в самовыражении" [8; 123], "несут в себе оттенок самоутверждения", согласно

И.С. Кону [7; 134].

Придавать высказываниям субъективный смысл помогают и модусные предикаты знания и мнения, сомнения и волеизъявления, употребляя которые субъект позиционирует себя как мыслящего, сомневающегося, волевого индивида. Эти предикаты придают последующему утверждению определенный субъективный контекст – сомнение, предположение, заключение, – который характеризует отношение субъекта к пропозиции. Это проявление субъективности, как отмечает Э. Бенвенист, обнаруживается только в первом лице [2; 298]:

Я полагаю, что, будучи осужденным за покушение на преступление, должен считаться отбывающим наказание тяжкой, а не особо тяжкой категории [15].

Используемый в примере предикат мнения связан с "семантикой уверенности в достоверности высказываемой пропозиции" [6; 249]. Субъект демонстрирует, что его высказывание может трактоваться как результат субъективного отражения ситуации.

I think that resistance to the United States means some forcible act of opposition to some proceeding of the United

States in pursuance of the war [17].

Предикат think, следующий за местоимением I, согласно Л.М. Ковалевой, "обозначает мыслительный процесс" и "характеризуется вероятностной модальностью" [6; 250]. Он номинирует мнение–оценку Субъекта, которое он выводит, исходя из личного опыта и знаний, что свидетельствует о выражении им индивидуальной точки зрения.

Таким образом, я, I – это не только и не столько действительные знаки. Они имеют собственное значение, отражая онтологическую сущность Субъекта, характеризуя его как личность.

В заключение хочется отметить, что институциональные жанры юридического дискурса, которым мы отнесли закон, судебное решение, договор и некоторые другие, будучи продуктами ДЭС, представляют собой среду, которая ограничивает употребление местоимения я и его вариативных форм. В то же время в текстах персонализированных юридических жанров (завещание, особое мнение судьи, судебная жалоба) эти местоимения употребляются весьма регулярно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории / под ред. Ю.М. Малиновича. М. – Иркутск, 2003. 251 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Бодягина, О.Л. Полифакторный подход к выбору актанта на роль подлежащего (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук / О.Л. Бодягина. Барнаул, 2003. 207 с.
4. Большой толковый словарь русского язык / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
5. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика местоимений / Е.М. Вольф. М.: Наука, 1974. 224 с.
6. Ковалева, Л.М. Английская грамматика: предложение и слово / Л.М. Ковалева. Иркутск, 2008. 397 с.
7. Кон, И.С. Открытие "Я" / И.С. Кон. М.: Политиздат, 1978. 156 с.
8. Милосердова, Е.В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка) / Е.В. Милосердова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 196 с.
9. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
10. Селиверстова, О.Н. Местоимения в языке и речи / О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1988. 151 с.
11. Семенова, Т.Н. Семантика индивидуализации и ее отражение в тексте / Т.Н. Семенова. М., 2001. 345 с.
12. Серебренникова, Е.Ф. Способы представления лица личными местоимениями во французском языке / Е.Ф. Серебренникова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. 200 с.
13. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. СПб.: Авалань, Азбука–классика, 2007. 336 с.
14. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. Киев: Ника–Центр, 1996. 208 с.
15. Жалоба в Конституционный суд РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://msk.ukon.su/news-moscow_175.html.
16. Особое мнение Лучина В.О. по Постановлению Конституционного суда РФ № 10–П (1995) // СПС Консультант Плюс.
17. Justice Holmes' Dissenting, *Abrams v. United States* (1919) [Electronic resource]. – URL: <http://www.law.cornell.edu>
18. Justice Stevens' Dissenting, *Citizens United v. Federal Election Commission* (2010) [Electronic resource]. – URL: <http://www.law.cornell.edu>
19. Last Will and Testament of Webster J. (1999) [Electronic resource]. – URL: <http://www.legaldocs.com/htsgif.d/xwill-1.htm>